

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛА ХХ ВЕКА: АКМЕИЗМ И ФУТУРИЗМ.

Преподаватель кафедры
Русского языка и литературы СамГПИ
Кудратова Гульрух Иззатуллаевна
Студентка: **Мамбетжанова Дилнора**

Аннотация. В данной статье анализируются два ключевых модернистских направления в русской литературе начала XX века, возникших на фоне кризиса символизма: акмеизм и футуризм. Рассматривается их идейное и эстетическое противостояние, а также общая роль в формировании поэтики Серебряного века. Акмеизм, представленный Н. Гумилевым, А. Ахматовой и О. Мандельштамом, изучается как движение, провозгласившее возврат к «прекрасной ясности», культу предметного мира, вещности и точности слова. Футуризм, с другой стороны, исследуется как радикальное бунтарское течение (В. Маяковский, В. Хлебников, Д. Бурлюк), стремившееся к полному разрушению традиционной культуры и языка, воспеванию техники, скорости и урбанизма. Подчеркивается, как, несмотря на их противоположные подходы к слову и искусству, оба направления стали мощным импульсом для обновления русской поэзии.

Ключевые слова: акмеизм, футуризм, серебряный век, модернизм, «Цех поэтов», манифест, Н. Гумилев, А. Ахматова, В. Маяковский, В. Хлебников, предметность, вещность, прекрасная ясность, бунт, разрушение языка, словотворчество, урбанизм, антиэстетизм, традиция и новаторство.

Начало XX века в России ознаменовалось эпохой бурного художественного поиска, известной как Серебряный век. Этот период характеризовался стремительной сменой эстетических парадигм и ожесточенной полемикой между различными литературными школами. Доминировавший в течение двух десятилетий символизм к 1910-м годам исчерпал свой мистический потенциал, что послужило катализатором для возникновения новых, остро противоположных течений. Среди них наиболее ярко заявили о себе акмеизм и футуризм, каждое из которых предложило свой радикально иной ответ на вопрос о роли поэта, природе слова и сущности искусства. Акмеисты стремились вернуть слову его первозданную, земную ясность и вещность, отвергая туманную мистику символистов. В то же время футуристы, подхватив революционный дух эпохи, призывали к полному разрушению всего старого, воспевая будущее, скорость и технику. Целью данной статьи является сравнительный анализ этих двух направлений, выявление их ключевых

эстетических принципов, а также демонстрация того, как, будучи идейными антагонистами, они в равной степени определили новаторский характер всей русской поэзии модернизма.

Акмеизм (от греческого акме — высшая точка, цветение) оформился в начале 1910-х годов как эстетический вызов символизму, который, по мнению молодого поколения поэтов, потерял связь с земной реальностью. Основополагающим документом движения стала декларация Николая Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» (1. 12), где провозглашалась идея нового, земного искусства. Акмеисты критиковали символистов за их увлечение «туманным инобытием» и призрачными намеками на идеальное, считая, что искусство должно быть сосредоточено на прекрасной ясности и осязаемой красоте этого мира.

Ключевым эстетическим принципом акмеизма стала вещность (или предметность). Слово, по их мнению, должно было быть точным, твердым и конкретным, подобным архитектурному камню, а образ — четким, как предмет, увиденный при ярком солнечном свете. Вместо многозначных символов, акмеисты использовали артефакты культуры и быта: перчатка, муфта, подсвечник, печь — эти предметы становились точками опоры для лирических переживаний. Например, в поэзии Анны Ахматовой детали интерьера или одежды не просто фон, а прямые психологические ключи, раскрывающие состояние героини. Трагизм акмеисты видели не в мистическом ужасе, а в драме земного существования, в конечности человека и красоты (6. 65). Философски акмеизм культивировал память о мировой культуре — от античности до европейского Средневековья, видя в культурном наследии прочную основу для творчества. Поэт для них — это строитель, возводящий храм из ясных, твердых слов, а не жрец, блуждающий в тумане мистических знаков.

Футуризм (от латинского *futurum* — будущее) представлял собой диаметральную противоположность акмеизму и самое радикальное течение Серебряного века. Это был бунт против всех культурных авторитетов, традиций и самой концепции «красивого». Русские футуристы, прежде всего кубофутуристы группы «Гиляя» (Маяковский, Хлебников, Бурлюк, Крученых), запечатлели свое кредо в скандальном манифесте «Пощечина общественному вкусу» (1912). В нем они призвали к полному обнулению — сбросить классиков с «Парохода современности» и уничтожить традиционную эстетику (2. 33).

Вместо тихих комнат и музейных экспонатов акмеистов, футуристы воспевали город, технику, скорость, шум, энергию толпы и индустрию. Они сознательно вводили в поэзию антиэстетические элементы: грубость, вульгаризмы, жаргон и нарочитые диссонансы, шокируя буржуазное общество. Главный их эксперимент касался языка. Футуристы стремились освободить

слово от его исторического смысла, создавая «самовитое слово» — слово, существующее не для сообщения, а ради собственной формы и звучания. Это привело к практике словотворчества и созданию «зауми» (заумного языка), где слова часто лишались всякого логического смысла, становясь чистыми звуковыми и графическими знаками. Они ломали синтаксис, игнорировали пунктуацию и традиционную метрику, используя «лесенку» Маяковского, чтобы придать стиху ораторскую интонацию и визуальную мощь. Футуризм был не просто литературным течением, а жизнестроительством, провозглашающим слияние искусства с будущей социальной революцией и бытом.

Несмотря на общую исходную точку — отказ от мистики и неопределенности символизма — акмеизм и футуризм выработали диаметрально противоположные эстетические программы, что сделало их главными антагонистами Серебряного века. Основное различие пролегает в их отношении к культурной традиции и времени. Акмеисты, вдохновленные Н. Гумилевым и О. Мандельштамом, были глубоко историцентричны: они черпали силы в мировой культуре, античности, средневековой архитектуре, стремясь к преемственности и сохранению высокой поэтической традиции (3. 54). Они смотрели на поэта как на ответственного строителя, который упорядочивает мир, используя ясность и память. Футуристы же, наоборот, были будущецентричны: их программа требовала полного разрушения традиции, объявления «войны» прошлому и искусству как таковому. Они видели себя разрушителями и пророками нового индустриального века, для которых «сегодня» — это лишь трамплин в радикальное «завтра», где нет места ни Пушкину, ни музейной красоте.

Это различие находило отражение в их подходе к материалу поэзии — слову. Для акмеистов слово — это твердый, точный предмет, требующий ювелирной огранки и ясности смысла. Они восстанавливали этимологию и семантику, чтобы сделать образ максимально осязаемым и предметным. В то же время футуристы, возглавляемые В. Маяковским и В. Хлебниковым, видели в слове пластичный, податливый материал, который можно ломать, перестраивать и лишать смысла ради создания нового, «заумного» языка (4. 112). Они сосредоточились на звуковой и графической энергии слова, а не на его смысловой нагрузке. Если акмеизм стремился к эстетике гармонии, равновесия и сдержанной эмоции, то футуризм культивировал антиэстетику, шок, диссонанс, шум и грубость, считая это отражением динамики и хаоса современного города. Таким образом, акмеизм можно назвать классицизмом модернизма, стремящимся к мастерству и форме, а футуризм — его революционным авангардом, ищущим свободу через тотальное отрицание.

В итоге, столкновение идей акмеизма и футуризма в русской литературе начала XX века стало одним из наиболее драматичных и плодотворных моментов в истории Серебряного века (5. 99).. Оба направления возникли как решительный ответ на кризис символизма, но предложили принципиально разные пути для обновления поэтического языка и сознания. Акмеизм, с его культом «прекрасной ясности», вещности и культурной памяти (Гумилев, Ахматова, Мандельштам), вернул поэзии земную конкретность и эстетику ювелирной огранки слова. Он утверждал ценность жизни здесь и сейчас и мастерство, основанное на освоении традиции. Футуризм, напротив, стал движением радикального бунта (Маяковский, Хлебников), призывающим к полному уничтожению прошлого, воспеванию техники, города и созданию «самовитого» языка через словотворчество и заумь(7. 34). Несмотря на их непримиримую вражду — ясность против хаоса, культура против антиэстетики — и акмеизм, и футуризм были объединены общим стремлением к формальному новаторству и утверждению самоценности художественного слова. Их полемика и открытия заложили основы всей последующей русской поэзии, продемонстрировав, что развитие искусства немыслимо без постоянного преодоления и творческой переоценки устоявшихся норм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гумилев Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Аполлон. 1913. № 1.
2. Бурлюк Д., Крученых А., Маяковский В., Хлебников В. Пощечина общественному вкусу. — Москва: Типография Товарищества Кушнерев и Ко, 1912.
3. Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Литературное обозрение. — 1991. — № 1.
4. Харджиев Н. И., Тренин В. В. Поэтическая культура Маяковского. — Москва: Искусство, 1970.
5. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. — Москва: Фортуна Лимитед, 2001.
6. Тименчик Р. Д. Принципы цитирования у Ахматовой в связи с традициями символизма // Труды по знаковым системам. — 1971.
7. Маковский С. К. На Парнасе Серебряного века. — Москва: XXI век—Согласие, 2000.